
**К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КЛАССИКА НОРВЕЖСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ КНУТА ГАМСУНА
(1859—1952)**

Кнут Гамсун

РАБЫ ЛЮБВИ*

I

Это написано мной собственноручно. Написано сегодня, чтобы облегчить душу. Я потеряла работу, потеряла радость жизни. Потеряла все. А служила я в кафе «Максимилиан».

Молодой человек в сером костюме каждый вечер приходил к нам вместе с двумя друзьями, и они садились за один из моих столиков. В кафе бывало так много посетителей, и у всех у них находилось доброе слово для меня — только не у него. Он был высок, худощав, с мягкими черными волосами и голубыми глазами, которые иногда останавливались на мне. Едва заметный легкий пушок пробивался над его верхней губой.

Видно, он с самого начала не был ко мне расположен.

Он приходил каждый вечер в течение недели. Я привыкла к нему, и, когда его не было, мне словно чего-то не хватало. И вот однажды он совсем не пришел. Я места себе не находила, обошла все кафе и вдруг увидела его за столиком позади одной из больших колонн, у другого входа. Он сидел за столиком вместе с актрисой из цирка. На ней было желтое платье и длинные перчатки выше локтя. Она очень молода, и у нее прекрасные карие глаза, а у меня глаза голубые.

Я постояла немного, стараясь уловить, о чем они говорят. Она в чем-то упрекала его, говорила, что он ей надоел, просила его уйти. Мать божия, молилась я, хоть бы он пришел ко мне!

* Печатается в переводе Н. Крымовой («Сын солнца» — в переводе С. Тархановой) по изданию: Кнут Гамсун. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2 / Пер. с норвежск.— М.: Изд-во «Художественная литература», 1970.— С. 449—461. Однако первый перевод «Рабов любви» принадлежит Александру Блоку («Сына солнца» — И. И. Ясинскому) — см. книгу: Полное собрание сочинений Кнута Гамсуна. Т. 4.— СПб: Издание Т-ва А. Я. Маркс, 1910.— С. 333—344 (приложение к журналу «Нива» на 1910 г.).

На другой день он появился вечером, как обычно, со своими друзьями, и они сели за один из моих столиков. А всего у меня их пять. Я не бросилась к нему тотчас же, как бывало прежде, я покраснела и сделала вид, что не заметила его. Тогда он подозвал меня.

Я сказала:

— Вас не было здесь вчера.

— Обратите внимание,— сказал он своим друзьям,— как стройна наша официантка, как она прелестна.

— Пива? — спросила я.

— Да,— ответил он.

Я не шла, я летела за тремя кружками.

II

Прошло несколько дней.

Как-то раз он протянул мне визитную карточку и сказал:

— Отнесите ее той...

Не дослушав, я взяла карточку и отнесла желтой даме. По дороге я прочла его имя: Владимир Т***.

Когда я снова подошла к его столику, он вопросительно взглянул на меня.

— Я отдала ей,— сказала я.

— Ответа нет?

— Нет.

Он дал мне марку и, улыбнувшись, сказал:

— Когда нет ответа — это тоже ответ.

Весь вечер он сидел, не сводя глаз с этой дамы и ее спутников. Часов в одиннадцать он встал и подошел к ее столику. Она встретила его холодно, но двое ее спутников, наоборот, разговаривали с ним, задавали ему издевательские вопросы и хохотали. Он вернулся очень скоро, через несколько минут, и я обратила его внимание на то, что один из карманов его весеннего пальто промок от пива. Он тут же снял пальто, резко повернулся и гневно посмотрел на столик дамы из цирка. Я, как могла, привела пальто в порядок, и он улыбнулся мне:

— Спасибо, раба.

Я помогла ему надеть пальто, украдкой погладила его по спине.

Он сидел, глубоко задумавшись. Один из его друзей заказал еще пива, и я взяла кружку. Хотела взять и кружку Т***.

— Нет,— сказал он и положил свою руку на мою.

От его прикосновения моя рука бессильно повисла, он заметил это и сразу же отдернул руку.

Вечером я молилась за него, стоя на коленях у кровати. И, счастливая, целовала свою руку, к которой он прикоснулся.

III

Однажды он подарил мне цветы, целую охапку цветов. Он купил их у цветочницы сразу, как только вошел в кафе, они были свежие, пунцовые — огромный букет, почти вся ее корзина. Он завалил ими столик, за который сел. На этот раз он был один. Как только выпадала свободная минутка, я стояла, притаившись, за колонной, все смотрела на него и думала: его зовут Владимир Т***.

Так прошло довольно много времени. Он беспрестанно глядел на часы.

Я спросила:

— Вы кого-нибудь ждете?

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и вдруг ответил:

— Нет, я никого не жду. Кого мне ждать?
— А я подумала, что, быть может, вы кого-нибудь ждете,— опять сказала я.
— Подойдите,— сказал он в ответ.— Это вам.
И он дал мне всю охапку цветов.
Я хотела поблагодарить, но голос изменил мне, и я лишь прошептала «спасибо».
Задыхаясь от счастья, я стояла у буфета, и не помнила, что мне надо заказать.
— Что вам? — спросила буфетчица.
— А вы не знаете? — ответила я вопросом.
— Откуда мне знать? Вы что, рехнулись?
— Вы не знаете, от кого я получила эти цветы? — спросила я.
Мимо прошел управляющий. Я услышала, как он сказал:
— Вы забыли подать пиво господину с деревянной ногой.
— Мне подарил их Владимир,— сказала я и поспешила с пивом к столикам.
Т *** не ушел. Когда он, наконец, поднялся, я снова поблагодарила его. Он остановился и сказал:
— Собственно, я купил их не вам.
Ну что ж. Может быть, он и купил их для другой. Но подарил-то мне. Цветы получила я, а не та, которой он их купил. И он разрешил мне поблагодарить его. Спокойной ночи, Владимир.

IV

На другое утро шел дождь.
Какое платье мне надеть сегодня — черное или зеленое? — думала я. Зеленое. Оно новое, поэтому я надену его. Я была так счастлива.
У остановки трамвая под дождем стояла женщина. У нее не было зонта. Я предложила ей свой, но она отказалась. Тогда я закрыла его. «Пусть она мокнет не одна»,— подумала я.
Вечером Владимир пришел в кафе.
— Благодарю вас за вчерашние цветы,— гордо сказала я.
— Какие цветы? — спросил он.— Не говорите об этих цветах.
— Я только хотела поблагодарить вас,— сказала я.
Он пожал плечами и сказал:
— Я люблю не вас, раба.
Он любит не меня, ну что ж. Я это знала и не страдала от этого. Но я видела его каждый вечер, он садился за мой, а не за другой столик, и я, я подавала ему пиво. Добро пожаловать, Владимир!
На следующий вечер он пришел поздно. И спросил:
— У вас есть деньги, раба?
— Нет, к сожалению,— ответила я,— я бедная девушка.
Он посмотрел на меня с улыбкой и сказал:
— Вы меня не поняли. Мне нужно немного денег до завтра.
— Дома у меня есть сто тридцать марок.
— Дома, не здесь?
Я ответила:
— Подождите четверть часа, кафе закроется, и я их вам принесу.
Он подождал четверть часа, и мы вышли вместе.
— Дайте мне только сто марок,— сказал он.
Он, не стесняясь, шел все время рядом со мной, не впереди меня, не сзади, не то что другие важные господа.
— У меня крохотная каморка,— сказала я, когда мы подошли к моему дому.
— Я не поднимусь к вам,— сказал он.— Я подожду здесь.

Он ждал меня.

Когда я вернулась, он сосчитал деньги и сказал:

— Здесь больше сотни. Я даю вам десять марок на чай. Да, да, слышите, я хочу вам дать на чай десять марок.

Он протянул мне десять марок, сказал «спокойной ночи» и ушел. Я видела, как он остановился на углу и подал шиллинг старой хромой нищенке.

V

На следующий вечер он сказал, что сожалеет, но не может вернуть мне долг. Я поблагодарила его за то, что он не отдает мне денег. Он откровенно признался, что прокутил их.

— Ничего не поделаешь, раба! — сказал он. — Вы же знаете — желтая дама!

— Почему ты называешь нашу официантку рабой? — спросил один из его друзей. — Ты больше раб, чем она.

— Пива? — спросила я и прервала их разговор.

Вскоре вошла желтая дама. Т*** встал и поклонился. Поклонился так низко, что волосы упали ему на лицо. Она прошла мимо и села за пустой столик, но прислонилась к нему спинками два стула, показывая тем самым, что весь столик занят. Т*** сразу же подошел к ней и сел на один из стульев. Через несколько минут он встал и громко сказал:

— Хорошо, я ухожу. И никогда больше не вернусь,

— Спасибо, — сказала она.

Я не чуяла под собой ног от радости, я побежала к буфету и стала что-то рассказывать. Наверное, — что он больше никогда не вернется к ней. Мимо прошел управляющий и сделал мне резкое замечание, но я не обратила на него никакого внимания.

Когда кафе закрылось, Т*** проводил меня до дому.

— Дайте мне пять марок из тех десяти, что я дал вам вчера, — сказал он.

Я хотела, чтобы он взял все десять, и он взял их, но дал мне из них пять на чай. И не пожелал слушать моих возражений.

— Я так счастлива сегодня, — сказала я, — Если бы я осмелилась пригласить вас к себе. Но у меня такая крохотная каморка.

— Я не поднимусь к вам, — сказал он. — Спокойной ночи.

Он ушел. Старой нищенке, которая опять стояла на углу, он забыл подать милостыню, хоть она и поклонилась ему. Я подбежала к ней, дала ей монету и сказала:

— Это от того господина в сером, который только что прошел мимо.

— От господина в сером? — спросила нищенка.

— Да, от того господина с черными волосами. От Владимира.

— Вы его жена?

Я ответила:

— Нет, я его раба.

VI

Несколько вечеров подряд он говорил, что сожалеет, но не может вернуть мне деньги. Я просила его не обижать меня. Он говорил это так громко, что все вокруг слышали, и многие смеялись над ним.

— Я негодяй, я мерзавец, — сказал он. — Я взял у вас деньги и не могу их вернуть. За пятьдесят марок я дал бы отрубить свою правую руку.

Мне становилось страшно от этих слов, и я ломала себе голову, как бы мне раздобыть ему денег, но мне негде было их взять.

Немного погодя он снова заговорил со мной:

— А если вы спросите, что случилось, то извольте: желтая дама уехала со своим цирком. И я ее забыл. Даже не вспоминаю о ней.

— И все-таки сегодня ты ей снова написал,— сказал один из его друзей.

— В последний раз,— ответил Владимир.

Я купила розу у цветочницы и хотела воткнуть ее в петлицу его пиджака. Но я почувствовала его дыхание на своей руке и долго никак не могла найти петлицу.

— Спасибо,— сказал он.

Я попросила в кассе те несколько марок, которые мне еще причитались, и отдала их ему. Но это была такая малость.

— Спасибо,— снова сказал он.

Я была счастлива весь вечер, пока Владимир не сказал:

— На эти марки я уеду. Я вернусь через неделю, и вы получите тогда свои деньги.

Заметив мое движение, он вдруг добавил.

— Я люблю вас! — И взял мою руку.

Я совсем растерялась оттого, что он уезжает и не говорит даже, куда, хотя я его и спросила. Кафе, люстры, многочисленные посетители — все поплыло передо мной, я не выдержала и схватила его за руки.

— Я вернусь к вам через неделю,— сказал он и резко поднялся.

Я слышала, как управляющий сказал:

— Вам придется искать другое место.

«Ну что ж,— подумала я.— Какая разница! Через неделю Владимир вернется ко мне!» Я хотела поблагодарить его за это, обернулась, но он уже ушел.

VII

Через неделю, вернувшись вечером домой, я нашла от него письмо. Он был в таком отчаянии, писал, что поехал за желтой дамой, что никогда не сможет вернуть мне деньги, что впал в нищету. Снова бранил себя, называл низким человеком, а внизу приписал: «Я раб желтой дамы».

Я плакала круглые сутки. Ничего не могла с собой поделать. Через неделю меня уволили, и я начала искать новое место. День-деньской я обивала пороги других кафе и гостиниц, звонила и частным лицам, предлагая свои услуги. Все напрасно.

Поздно вечером я покупала за полцены газеты и, придя домой, старательно читала все объявления. Я думала: может быть, я все же найду что-нибудь и спасу нас обоих, и Владимира, и себя...

Вчера вечером я наткнулась в газете на его имя и прочитала то, что было о нем написано. Я сразу же вышла из дому, ходила по улицам, домой вернулась утром. Быть может, я где-то спала, а быть может, сидела на лестнице, не в силах сдвинуться с места. Не помню.

Сегодня я снова это прочитала. Но впервые я это прочитала вчера вечером. Я заломила руки и опустила на стул. А потом почему-то села на пол, прислонившись к стулу. Била по полу руками и думала. А может быть, и не думала. В голове было совсем пусто, и я ничего не помню. Потом я, должно быть, встала и вышла. На углу, это я помню, я дала монету старой нищенке и сказала:

— Это от господина в сером, вы его знаете.

— Вы что, его невеста? — спросила она.

Я ответила:

— Нет, я его вдова...

До утра я бродила по улицам. А сейчас снова прочла это. Его звали Владимир Т***.

СЫН СОЛНЦА

Ночью выпал снег. Густым белым покровом оделась земля.

Он проснулся с радостной мыслью о письме, которое вчера получил, об этой неожиданной благодной вести; почувствовав себя молодым и счастливым, он стал тихо напевать. Затем, подойдя к окну, приподнял штору и увидел снег. Песня его мгновенно оборвалась, душу захлестнула тоска, и он пугливо передернул узкими покатыми плечами.

С приходом зимы для него всякий раз начиналась злая пора, мука, ни с чем не сравнимая и никому другому, кроме него самого, не понятная. Один лишь вид снега навевал мысли о смерти и разрушении. Наступали долгие вечера с их потемками, с их оцепеняющей, бессмысленной тишиной; он не мог работать в своей мастерской — его оцепеневшая душа была нема. Как-то раз летом ему привелось поселиться в маленьком городке в большой светлой комнате, где нижние стекла окон были замазаны белой краской. Белое стекло походило на лед, и, глядя на него, он испытывал непреодолимую муку. Он хотел пересилить себя, прожил в этой комнате несколько месяцев и изо дня в день твердил себе, что на взгляд очень многих людей лед тоже прекрасен и что зима и лето суть разные воплощения одной и той же вечной идеи бога и им сотворены,— все было тщетно, он по-прежнему не прикасался к работе, и эта кажущаяся ежедневная пытка снедала его.

Позднее ему довелось жить в Париже. Когда в городе кипел веселый праздник, он любил, прогуливаясь по бульварам, созерцать открывающуюся его взору картину. Чаще всего это случалось в разгаре светлого лета, теплыми вечерами, когда в город притекали из больших парков запахи листьев и цветов; улицы сверкали в электрическом свете, и взад и вперед по ним сновали смеющиеся, ликующие люди, кричали, пели, разбрасывали конфетти, и все вокруг дышало радостью. Сколько раз он выходил на улицу, мечтая смешаться с толпой и веселиться вместе с ней, но не проходило и получаса, как он брал фиакр и возвращался домой. Отчего? Издалека приплывало воспоминание: в свете электрических ламп кружились и оседали у его ног конфетти, точно снежинки...

Из года в год повторялось одно и то же. Где же обитала его душа? Быть может, в стране солнца, в стране пальм. Быть может, на берегах Ганга, где никогда не увядает лотос...

Ночью выпал снег. Он подумал, как, должно быть, холодно птицам в лесу и какую смертную муку терпят в земле, умирая, корни фиалок. И чем только кормится теперь заяц?

Он больше не мог выходить из дому. Месяц за месяцем он почти не покидал своей комнаты и то шагал по ней из конца в конец, то недвижно сидел на каком-нибудь стуле и размышлял. Никто не понимал, как жестоко он страдает от этого заточения. Он был еще молод и мог бы окунуться в жизнь, да и сил у него было вдоволь, но любая случайная прихоть мороза, внезапная перемена погоды обрекала его на заточение и одинокие раздумья. В такие дни жене лучше было запирать в шкафу на ключ горстку фруктов, купленных ею для детей,— не то муж доставал их оттуда и, поставив перед собой тарелку с двумя-тремя яблочками да жалкой кистью винограда, долго любовался ими,— потому что это ведь были плоды юга и лета,— и в конце концов поедал их.

Перемена совершалась в нем удивительно быстро. Обычно он не любил отвечать на письма, теперь же он кидался к своему столу и писал одно за другим уйму писем, даже тем, кому вовсе не был обязан писать, спрашивал их о чем-нибудь или сообщал

какой-нибудь малопримечательный факт. У него было смутное ощущение, будто его уже подстерегает смерть, и этим потоком писем, рассылаемых во все концы страны, он надеялся хоть ненадолго укрепить нить, связывающую его с жизнью. И другие перемены происходили с ним: он совсем утратил душевное равновесие; оставшись один, он часто принимался рыдать, а по ночам часами лежал без сна с полузакрытыми глазами.

Этот хилый, нескладный человек летом всегда бывал в самом веселом расположении духа. Но в мрачную зимнюю пору им овладевала отчаянная тоска. Его порывы были резки и стремительны, как ненастье, налетающее среди ясного дня,— сколько раз, упав на колени перед младшим сыном и обливаясь жаркими слезами, он молился за него богу! Он страстно желал, чтобы мальчик, в отличие от него самого, никогда не вкусил известности. У всех известных людей замутнены родники души, и сами эти люди испорчены вниманием, славой, выделившей их из ряда других, любопытством толпы. Эта вечная жизнь напоказ искажает их взгляд, походку, все их поведение... А сын его — пусть лучше он сеет хлеб и собирает с поля урожай. Превыше всех тот, кто сам сеет хлеб и пожинает плоды своего труда. И еще одно: только бы господь уберег его от жизни на чужбине. Сколько лишних мук принимает человек, вынужденный искать себе прибежище, кров в чужом краю! К тому же он не понимает чужой речи, и чужих взглядов, и улыбок. Небо на чужбине другое и другое расположение звезд, так что их и не узнаешь. Взглянешь на цветы — а у них непривычные краски, и птицы в чужом краю тоже подчас совсем другие. И другой флаг развевается на флагштоке.

Чутьем он угадывал, что судьба безжалостно вырвала его из родной среды: быть может, когда-то, много лет назад, он обитал в ином, далеком и жарком краю.

—32 градуса по Цельсию

Он с ужасом замечает, что мороз усиливается и все живое в полях коченеет. В окно его виден лес и широкая дорога, по которой люди ездят в город и обратно. Ни один листок теперь не шелохнется, ельник оцетинился иглами, и все деревья покрыты инеем. Самая погода для любителей спорта. Несчастливая синица еле шевелит крыльями, и за ней по воздуху вьется тоненькая струйка пара. Природа замерла, всюду морозно и тихо. И даже ветерок не всколыхнет воздуха. Кругом словно одно белое застывшее сало.

Снизу с дороги доносится звон бубенцов — мимо проезжают сани, в которых сидят мужчина и женщина. Над лошадьёю и над седоками плывет, непрерывно обновляясь, легкое белое облачко. Этот мужчина и эта женщина, наверное, никогда не видели, как растет виноград, а может, они даже ни разу в жизни его не пробовали.

По лицам их не заметно, чтобы погода вызывала у них какое-либо неудовольствие, они преспокойно едут в город по своим мелким делам и лишь изредка понукают лошадь, когда она, на их взгляд, слишком вяло пробивается сквозь это жуткое сало. Пришелец из солнечного края при виде этой картины умер бы от смеха. А мужчина и женщина невозмутимо, без тени удивления оглядывают страшное, таинственное царство стужи, которое обступило их со всех сторон, и нисколько не задумываются над этой тайной, потому что сами они тоже дети стужи и выросли среди снегов. Они сидят в санях, словно два моржа. На бороде у мужчины — сосульки...

Несчастный, вконец измученный стужей художник видит сквозь окно, как во дворе играет его дочурка. Она с головы до ног закутана в теплые шерстяные вещи, только толстые чулки из козьей шерсти подшиты кожаными подметками. Девочка возит по снегу санки, и ее шаги отдаются в ушах отца мучительным скрипом. Плечи его вздрагивают, он словно в изнеможении закрывает глаза, и от странного недуга на лбу его выступает холодный пот. Девочка окликает его, запрокинув кверху румяное

личико, и жалуется, что веревка на санках оборвалась. Поспешно сойдя вниз, он связывает концы веревки, на нем нет ни шляпы, ни зимней одежды. «Ты не замерзнешь?» — спрашивает дочка. Нет, он не замерзнет, руки у него теплые, только ледяной воздух больно обжигает горло. Но он никогда не мерзнет.

Он заметил, что высокая старая береза у подъезда как-то осела и ствол ее треснул. «Это все мороз», — содрогнувшись, подумал он.

За ночь вдруг переменилась погода. Сев на кровати, он стал ждать тепла, хотя знал, что зима еще возвратится и потом не скоро уйдет. Все же в его душе вспыхнула надежда.

Мороз с каждым днем убывал, и под конец закапало с крыш, а в небе словно загудели могучие океанские волны.

Надежда в его сердце крепла и росла, и шум, разлившийся в воздухе, волновал его, точно музыка, — быть может, это уже весна тронула свой золотой барабан!

Как-то раз ночью что-то вдруг застучало по окну; вскочив с постели, он прислушался — это был дождь! Неизъяснимая радость охватила его, торопливо одевшись, он помчался в свою мастерскую и зажег там все огни. Его тоска по лету вдруг обратилась в светлое вдохновенье, все силы, дремавшие в нем, вырвались наружу, и в ту же самую ночь он с жаром принялся за работу. Нахлынули видения и звуки из теплых краев и завладели им, перед глазами с необычайной, чарующей отчетливостью возник пейзаж — сказочная долина, и в центре ее человек — юный, прекрасный бог, только что появившийся на свет и в первый раз оглядывающий мир.

Бог, повелитель земли, любуется зрелищем утра жизни. Вокруг — пышная, щедрая природа, пальмы и тропические цветы, лианы с крупными, похожими на куски кровавого мяса и словно дышащими листьями; индигоноски, рожь, кукуруза, виноград. По дну долины бродят звери, человек чувствует их близость и слышит, как они едят; вверху, на скале, галдя, сгрудилась стайка огромных птиц, перья у них жесткие, точно сабли, а глаза — зеленые огоньки. Вдалеке последняя цепочка пальм убегает за горизонт...

Над этим пейзажем загорелся первый нежный луч утреннего солнца, озарив человека с головы до ног...

Он работал до утра. Поспал час и снова взялся за кисть. Ничто не остановило бы его, какая-то необычайная сила захлестнула его и увлекла. Пять дней лил дождь — и за эти дни художник закончил эскиз картины «Сын солнца».

Маленький смуглый человечек, без бороды, с лысым, унылым черепом, совершенно неприметный на вид. Он тихо сидит на стуле, слушая, как разглагольствуют другие. Временами он покашливает, смущенно прикрывая рот рукой. Когда кто-нибудь заговаривает с ним, он нервно вздрагивает и с минуту недвижно глядит на собеседника. Примостившись в каком-нибудь углу, он уже весь вечер не покидает его, он так неловок и невзрачен, что никто не считает нужным дарить его своим вниманием. Кажется, будто он очутился в этом обществе по чистому недоразумению.

Спустя несколько недель смуглый человечек послал на выставку свою картину. И с этого дня все узнали его.

